

Свою первую долгоиграющую пластинку
с «заграничной» музыкой я заимел в 1958 году...

ВКУС ЗАПРЕТНОГО ПЛОДА

В КОНЦЕ 50-х мало кто из молодых не любил джаз. Это была не просто тяга к запретному — был живой интерес к явлению, абсолютно новому для советского обывателя. Об этом непросто времени вспоминает один из типичных представителей тогдашней молодежи Анатолий Ювков.

Иже еси на Би-Би-Си

Свою первую долгоиграющую пластинку с «заграничной» музыкой я заимел в 1958 году. Называлась пластинка «Вокруг света. 2 серия». Это был, наверное, первый такой грандиозный проект в советском производстве пластинок. Вскоре последовали «3 серия», «От мелодии к мелодии», «Музыкальный калейдоскоп». С трепетом слушали все даже интерлюдии. Теперь можно было услышать Эллу Фитцджеральд и Синатру не только в эфире, но и на пластинке. Имена на этикетке заворачивали, но этого так не хватало... И эфир оставался основным источником музыкальной информации.

Щекотало нервы и то, что слушание «голосов», если не находилось под официальным запретом, то очень не одобрялось. «Голоса», вещающие на СССР, беспощадно глушили, приходилось настраиваться на англоязычные передачи. Родители не запрещали мне слушать «голоса», но и не одобряли мои увлечения. Конечно, чаша их терпения иногда переполнялась, и папа заявлял: «Поймай мне какую-нибудь нашу приличную музыку». Я вылавливал один из многочисленных тогда «радиомаяков» или эстрадный концерт с Рудаковым и Нечаевым и шел делать уроки. Через некоторое время обнаруживал папу, с независимым видом держащего в руках развернутую газету под аккомпанемент весьма хорошего коротковолнового джаза из приемника, и говорил: «Но это же капиталистический джаз, как ты можешь?» В ответ: «Ну и что, зато хорошо играют».

Самым популярным для меня стал диапазон 31 метр, на котором лучше всего принимались BBC World Service и «Голос Америки». Одну из передач, Music USA, Part 1, я слушал каждый вечер, включая приемник за полчаса до полуночи. Здесь ловился популярный джаз: Синатра, Армстронг, Каунт Бейси, Томми Дорси.

Лоскутки

Именно тогда у меня сформировались критерии музыки, которых я придерживаюсь по сей день: музыка должна иметь мелодию, а слова — смысл. Мелодия — это то, что ты можешь напевать, стоя под душем. Хорошую мелодию душой чувствуешь, даже не имея специального музыкального образования.

Родители помогли мне купить первый магнитофон, когда я поступил в девятый класс. Сейчас, когда почти в каждой семье ребенок имеет свой персональный компьютер, это может показаться смешным, но в 1961 году магнитофоны были далеко не у каждого. Мне счастье заключалось в магнитофоне «Астра-2» — очень передовом по тому времени, деликатном и нежном приборе, формой напоминающем пузырь. Он был «портативным» и имел ручку для переноса, и я не могу даже приблизительно сказать, на каком количестве вечеринок и дней рождения я побывал, сопровождая свою «Астру».

КОЛАЖ ИРИНЫ ЖУРАВЛЕВОЙ

А репертуар был первоклассный. Я записывал все более или менее привлекательное, что вылавливал в эфире. Очень интересным для меня стал процесс монтажа программ. Я брал ножницы и вырезал метражи из кассеты, а потом склеивал их ук-сусной эссенцией. Одна дорожка звучала чуть более часа, так что двух смонтированных кассет хватало для любого мероприятия.

Оттепель начала 60-х годов наиболее заметно для нас проявилась в эпизодическом появлении под прилавками музыкальных магазинов долгоиграющих дисков из социалистических стран. Они приходили в количестве не более трех экземпляров и доставались соответствующему количеству счастливых, которые имели доступ к «бабе-яге», сидящей за прилавком. Конечно, эти диски «катались» по городу, и с каждого из них снимали не одну дюжину копий. Особо популярными были пластинки, с которых звучали знакомые по телевидению имена. Как раз в то время появились у нас в продаже первые доступные черно-белые телевизоры, иметь которые считалось верхом престижа. Обычно это был один телевизор на подъезд или даже дом, у которого собирались все соседи, да еще с родственниками и знакомыми. В комнату набивалось до 12–15 человек, приходили со своими стульями, из досок и табуреток соорудили скамейки и смотрели все передачи от начала до их окончания. «Голубые огоньки», эстрадные фестивали, концерты самодеятельности, любые неразвлекательные передачи — проглатывали все. С особым нетерпением мы ожидали показа музыкальных фестивалей, которые тогда транслировали из Берлина и с болгарского Золотого Берега.

Ждали появления гостей фестиваля из капиталистических стран, и если нам показывали одного-двух Марио, Хозе или Жанов, мы были счастливы. Эти программы записывали на магнитофоны в максимально возможном объеме. Магнитофонная пленка тогда была большим дефицитом, и приходилось делать запись выборочно, решая на первых секундах эстрадного номера — риск-

нуть и оставить его или записать что-то из конца концерта. Катушка со свежепроизводимой записью напоминала дефектную щетку из-за пригоршей бумажек, ниток и щепочек, вставляемых в приемную катушку. Эти бумажки обозначали начало и конец записанных номеров, и по ходу передачи катушка не раз возвращалась на предыдущую бумажку, если казалось, что далее прозвучит что-то более забойное. На таких кассетах скапливалось огромное количество музыкального «мусора», сейчас заслуженно забытого.

Серьезная публика

Я особо не увлекался музыкой, полученной из телеэфира: брал за полные кассеты у своих знакомых, прослушивал и возвращал, практически не снимая копий. Моим источником музыки оставался радиоприемник с доступом ко всему миру. Я продолжал составлять свои программы, и они привлекали внимание «серьезной» публики.

«Серьезная публика» состояла из группы людей, которые были старше нас на три-четыре года. Их сейчас назвали бы меломанами, но тогда не знали такого слова. Они казались ужасно взрослыми и мудрыми: имели записи пластинок Армстронга, сестер Эндрюс и даже Луи Прины! С ума сойти.

В начале 1963 года мне удалось познакомиться с одним из представителей этой «серьезной публики». По моей просьбе составили протекцию. Я взял под мышку несколько долгоиграющих дисков, и мы отправились к великому человеку. Нам открыл дверь вальяжный индивид впечатляющей комплекции. На наше приветствие он представился тенором: «Виталий Федорович. Проходите». Я завороченными глазами прилип к моей тогдашней недосыгаемой мечте, МАГу-59, одиноко стоявшему на комод. «Что желаете-с услышать?» Конечно, Луи Приму. «Бей мир бист ду шон», если можно. Можно. Из шкафчика извлекается кассета и изящным движением устанавливается на «недоставаемую мечту». Дринь — перемотка, хрясь! — клавиша, и зазвучало. «А что тут у вас? Покажите», — я

потянулся к газетному свертку. Я боялся, что меня «великий человек» засмеет с моими дисками. Описания не оправдались. Когда мы уходили через час, я оставил в подарок древнего Армстронга.

Через Виталия я познакомился с другими представителями «серьезной публики». Я очень скоро, буквально за полгода, отдался от своего прежнего «школьного» окружения «магнитофонщиков». Слишком разную музыку мы слушали. Ни в коем случае не хочу, чтобы создано впечатление об исключительности моего положения. Просто я как-то отошел от своего окружения, оставив общим только непосредственно учебу. В то время я особенно много читал: наша семейная библиотека содержала около 20 тысяч книг, и после учебы и фонотеки оставалось не так уж много времени на социальное общение.

Джаз из подворотни

Год 1964, наверное, помнит каждый «пластинщик». Именно тогда прекратилась оттепель, и началось новое гонение на «западную» культуру. Я был студентом первого курса горно-металлургического института и воздерживался от афиширования своих увлечений — книгами, «джазом», филателией, потому что к любому из них, особенно к джазу, можно было придаться. Да если бы тогда узнали, что мне нравятся Синатра и Армстронг, то я мог бы запросто вылететь из института, несмотря на отлично сданные сессии.

В 1968 году я заимел свой первый «фирменный» диск. После этого процесс пошел лавинообразно: по два-три новых диска ежемесячно. Я всегда щепетильно подходил к подбору своей коллекции, оставлял преимущественно ту музыку, к которой привык в свои «радиогоды». Рос объем коллекции и информации о музыке и исполнителях, пришлось ввести каталогизацию, чтобы хоть как-то ориентироваться в имеющемся материале. Появилось ощущение, что в коллекции имеется все, о чем знаю и что желаю иметь. Но одновременно образовался своеобразный вакуум общения — все меньше оставалось рядом тех, кто любил и

коллекционировал такую музыку. Для ее обозначения появилось слово «ретро»...

Свой эфир

Музыку нельзя слушать в одиночку: это подобно выпивке в компании с зеркалом. Хорошая музыка требует разделить впечатление с кем-то. Идея создания местной радиостанции, работающей в УКВ-диапазоне, появилась у нас с Леонидом Голицыным в 1989 году под влиянием моих впечатлений от поездки в США. Там в каждом городе я насчитывал по пять-восемь радиостанций, непрерывно передающих тематическую музыку, прерываемую лишь рекламой. У нас как раз наступил период перестроечной вседозволенности, и мы не предвидели никаких препятствий. Расписали наши предполагаемые музыкально-литературные программы: музыка из моей коллекции с обеспечением литературной части Леонидом и его театральной группой «Диалог» чуть ли не на четыре месяца вещания, и через своего общего знакомого, поставившего тогда компьютерную технику из Юго-Восточной Азии, договорились о приобретении УКВ стереопередатчика с радиусом вещания 50 км — для нашего города этого хватило бы. Леонид очень быстро получил лицензию на вещание, но выделить волну нам отказали с очень весомым тогда аргументом. Как раз в то время в ходе мероприятий по снижению обороноспособности страны в округе было списано несколько мобильных радиостанций, вроде той, на которой Владимир Басов в «Щите и мече» открытым текстом вещал о начале войны, и некая структура заявила Леониду, что мы, конечно, собираемся приобрести одну из этих установок и будем вести неконтролируемое вещание.

Недавно, перебирая старую документацию, наткнулся на черновики программ нашей мечты. Стало очень грустно и обидно — ведь могли бы, еще тогда. Первая местная УКВ-станция появилась где-то лет через пять...

Автограф звезды

У Бориса Алексеева из «Эха Москвы», очень популярного некоторое время ведущего программы с музыкой прошлых лет, я увидел на стене фотографию Фрэнка Синатры с автографом и пожеланиями удачного Нового года. Попросил у него копию для своей стены, но заронила мысль: если он смог, то почему бы и мне не попробовать? И мне повезло. В 1991 году я был в командировке в США и оказался в Атланте как раз в то время, когда там готовился концерт Синатры. На самом концерте я не был, так как должен был уехать за два дня до события, но я встретился с «дорожным менеджером» Синатры и попросил его о любезности. Представьте себе мои удивление и радость, когда через несколько месяцев обнаруживаю в своем почтовом ящике большой конверт с фотографией, подписанной: «Анатолию. С моими наилучшими пожеланиями. Фрэнк Синатра. 1991». Сейчас я знаю, что это чудо, потому как Синатра в то время практически не давал автографов.

С тех пор у меня появились и другие автографы, но больше всего я ценю подписи Синатры и персональные пожелания от Трини Лопеза и Конни Френсис — кумиров моей юности. Конни, кроме фотографии, прислала мне подписанную книгу-биографию...

Записал
ВАЛЕРИЙ ЕФИМОВ.